

## ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ И НОВУЮ СЛОВЕСНОСТЬ В РОССИИ

Гений красноречия и поэзии, гражданин всех стран, ровесник всех возрастов народов, не был чужд и предкам нашим. Чувства и страсти свойственны каждому; но страсть к славе в народе воинственном необходимо требует одушевляющих песней, и славяне, на берегах Дуная, Днестра и Волхова, оглашали дебри гимнами победными. До XII века, однако же, мы не находим письменных памятников русской поэзии: все прочее сокрывается в тумане преданий и гаданий. Бытописания нашего языка еще невнятное народных: вероятно, что варяго-россы (норманны, пришельцы скандинавские) слили воедино с родом славянским язык и племена свои, и от сего-то смешения произошел язык собственно русский; но когда и каким образом отделился он от своего родоначальника, никто определить не может. С Библиею (в X веке), написанною на болгаро-сербском наречии, славянизм наследовал от греков красоты, прихоти, обороты, словосложность и словосочинение илинские. Переводчики священных книг и последующие летописцы, люди духовного звания, желая возвыситься слоном, писали или думали писать языком церковным — и от того испестрили славянский отечественными и местны-

ми выражениями и формами, вовсе ему несвойственными. Между тем язык русский обживался в обществе и постепенно терял свою первобытную дикость, хотя редко был письменным и никогда книжным. Владычество татар впечатлело в нем едва заметные следы, но духовные писатели XVI и XVII столетий, воспитанные в пределах Польши, немало исказили русское слово испорченными славено-польскими выражениями. От времен Петра Великого, с учеными терминами, вкралась к нам страсть к германизму и латинизму. Век галлицизмов настал в царствование Елисаветы, и теперь только начинает язык наш отрясать с себя пыль древности и гремушки чуждых ему наречий. Нынешнее состояние одного увидим мы впоследствии; теперь мысленно пробежим политические препоны, замедлявшие ход просвещения и успехи словесности в России.

Новообращенные россияне, истребляя все носившее на себе отпечаток язычества, нанесли первый удар древней словесности. Скоро минул для поэзии красный век Владимиров, и на его могиле возникли междоусобия: Русь не могла отдохнуть под кроткою властью Ярослава и Мономахов, ибо удельные князья непрестанно ковали крамолы друг на друга, накликали половцев, угров, черных клобуков и воевали с ними против братьев своих. Разоренное отечество вековало на бранях противу домашних врагов или на страже от набегов соседних; наконец гроза разразилась над ним, и гордый могол, на пепелище русской свободы, разбил странственную свою палатку.

Все, что может истребить огонь, меч и невежество, гибло. Как враны, воцарилось племя Батыево над пустынями и кладбищами. Варварство заградило страхом свет с Запада и Востока. В монастырях только и в вольном Новгороде тлелись искры просвещения; зато лишь нищета и невежество ручались за безопасность прочих. Мало-помалу оправлялась Россия от бед, опершись на меч Невского и Донского; оживала в княжении Калиты и Василия (Димитриевича); но иноземное просвещение упало вместе с Новгородом и его торговлею. Иоанн Грозный призвал на Русь науки и искусства; мудрый и несчастный Годунов ревностно им покровительствовал; но ужасы междоусобия, злодеяния самозванцев, вероломство Польши и разхищения от шведов задушили семена, посеянные его рукою. Алексей образовал искусство ратное и политическими сношениями несколько приготовил россиян к важной

перемене; но до благотворного царствования Петра науки были только делом, а не системою.

Итак, подивимся ли, что холодный климат России произвел немногие цветы словесности! Пожары, войны и время истребили остальное. Небрежение русских о всем отечественном немало тому способствовало.

В летописях, до нас дошедших, первое место занимает Несторова<sup>1</sup>. Они писаны хронически, слогом простым, не кудрявым, но более или менее озаменованным славянизмом. В летописях Псковской и Новгородской встречаются места трогательные, исполненные рассуждений справедливых, а не одни случаи. В Несторовой видны искренность и здравомыслие. Русская правда<sup>2</sup> — слепок с судебных законов скандинавских — и еще немногие грамоты и заветы княжеские писаны языком грубым, но кратким и сильным. Народные песни изменены преданием и едва ли древнее трехсот лет. Русский поэт за трудом и на досуге, в печали и в радости, и многие песни его отличаются свежестью чувств, сердечною теплотою, нежностью оборотов; но беды отечества и туманное его небо проливают на них какое-то уныние, и вообще в них редко встречаются пылкие страсти и обилие мыслей. Возвышенные песнопения старины русской исчезли, как звук разбитой лиры; одно имя соловья Бояна отгрянуло в потомстве, но его творения канули в бездну веков, и от всей поэзии древней сохранилась для нас только одна поэма о походе Игоря, князя Северского, на половцев. Там находим мы незаимствованные красоты, иную природу, отменный круг действия. Безыменный певец вдохнул русскую боевую душу в язык юный, но и самую странность привлекательный; он украсил его цветами мечты, вымыслом народной мифологии, разительными сравнениями и чувствами глубокими. Непреклонный, славлюбивый дух народа дышит в каждой строке. Драгоценная поэма сия, принадлежащая к XII веку, писана мерною прозою и языком, вероятно, южнорусским. Кажется, время сохранило ее, чтобы сильнее дать чувствовать потерю остального! В песне о битве Донской (XV века) нет того огня, той силы в очертании лиц, той самородной прелести, которые отличают песнь о походе Игоря. Впрочем, рассказ оной плавлен и затейлив, и ее должно читать наравне со всеми древностями нашего сло-  
дабы в них найти черты русского народа и тем дать настоящую физиогномию языку.

Одним шагом переступаем расстояние пяти столетий: новая эпоха в красноречии настает от Феофана, в стихотворстве от Кантемира. Первый (род. 1681, ум. 1736 г.), одаренный умом обширным, утонченным, двигал политические пружины государства, сердца слушателей и читателей. Красноречие его убедительно: он говорит чувствам и от чувства; но язык Феофана неправилен, изломан, испещрен польским и славянским. Остроумный Кантемир (род. 1708, ум. 1744 г.), хотя unsuccessfully ввел французский, вялый силлабический размер, хотя писал слогом неровным, жестким, хотя дружил нас с европейскими мыслями на языке народном, еще не обработанном, — но, как философ, как верный живописец нравов и обычаев века, будет жить славою в дальнем потомстве!

Подобно северному сиянию с берегов Ледовитого моря гений Ломоносова (род. 1711, ум. 1765 г.) озарил полночь. Он пробился сквозь препоны обстоятельств, учился и научал, собирал, отыскивал в прахе старины материалы для русского слова, созидал, творил — и целым веком двинул вперед словесность нашу. Русский язык обязан ему правилами, стихотворство и красноречие — формами, тот и другие — образцами. Дряхлевший слог наш оюнел под пером Ломоносова. Правда, он занял у своих учителей, немцев, какое-то единообразие в расположении и обилие в рассказе; но величие мыслей и роскошь картин искупает сии малые пятна в таланте поэта, создавшего язык лирический.

В то время, как юный Ломоносов парил лебедем, бездарный Тредьяковский (род. 1703, ум. 1769 г.) пресмыкался, как муравей, разгадывал механизм, приличный русскому стопосложению, и оставил в себе пример трудолюбия и безвкусия. Смехотворными стихами своими, в отрицательном смысле, он преподавал важный урок последующим писателям. Сумароков, современник и соперник Ломоносова, был отцом нашего театра. Он писал во всех родах; но теперь прежние венки его вянут и облетают: неумолимое потомство отказывает ему в славе образцового писателя.

В русских трагедиях подражание французским, совершенное отсутствие местности, бесхарактерность лиц, холодность страстей и сложность плана — суть всегдашние его пороки. Простота его басен, идиллий надута, веселость комедий принужденна, и вообще редкие черты чувств и красоты воображения скрыты в тяжком, терновом слоге.

(Род. 1718, ум. 1777 г.). Поповский, первый после Ломоносова, писал чистою прозою. Перевод «Опыта о человеке» Попа заслуживает внимания. (Род. 1730, ум. 1760 г.).

Медленною стопою двигалась вперед словесность: учреждение семинарий, Московского университета (1755), кадетских корпусов (1732, 1762), призвание иноземных ученых разливали просвещение; но им занят был один только ум: воображение еще дремало. Писатели, даже самые посредственные, были редки. Критика и соперничество не очищали языка, не придавали ему блеску и живости. С Петра III слог деловой стал очищаться от латинской примеси. Наконец настало золотое время для словесности и ученых. Великая Екатерина II словом и делом ободряла просвещение: размножила училища, основала Академию Российскую (1783) и тем же пером, коим решала судьбы государств, писала русские стихи, собственным примером вливая жар соревнования в подданных. Заслуги Екатерины для просвещения отечества неисчислимы. Все лучшие наши писатели возникли или образовались под ее владычеством. Лирик Петров исполнен ярких мыслей, пламенных, смелых оборотов, быстро набросанных картин; но у него поэзия мыслей, а не стихов. Язык его разрывчат, шероховат и не всегда справедлив. (Род. 1736, ум. 1799 г.). Херасков, стихотворец эпический, по своему времени писал плавными стихами, хотя кудряво и пространно. Многие отрывки из поэм «Владимира» и «Россияды» картинны, великолепны, изобилуют местностями; из «Искателей счастья» обрисованы с приятным разнообразием. Никто из русских писателей не произвел более Хераскова во всех родах. Жаль только, что ему недоставало краткости и оригинальности. (Род. 1733, ум. 1807 г.). Богданович, поэт милый и добродушный, первый написал у нас стихотворную сказку, слогом легким, сердечным, замысловатым. Рассказ в его «Душеньке» прелестен и достоин предмета столь нежного; изображения живы, природны. Он разнообразен, подобно Протею<sup>3</sup>, но в некоторых местах его стихосложение падает в прозаизм. (Род. 1743, ум. 1802 г.). Басни Хемницера не писаны, а рассказаны с непритворным добродушием, и сия-то гениальная небрежность составляет прелесть, которой нельзя подражать и которой не должно в нем исправлять. (Род. 1744, ум. 1784 г.). Фонвизин в комедиях своих «Бригадире» и «Недоросле» в высочайшей степени умел схватить черты народности и, подобно Сервантесу, привести в игру мелкие страсти деревен-

ского дворянства. Его критические творения будут драгоценными для потомства, как съёмки (facsimilé) нравов того времени. (Род. 1745, ум. 1792 г.). В. Капнист известен колкою сатирою, комедиею «Ябеда», оды его дышат благородством мыслей. Легкие стихотворения достойны древней антологии. Проза Кострова в переводе Оссиана и донныне может служить образцом благозвучия, возвышенности. Его стихи оригинальны. Перевод осьми песней «Илиады» не всегда равно выдержан, но силен, важен и цветист. (Род. ...., ум. 1796 г.). Трагик Княжнин известен на драматическом поприще «Дидоною» и «Вадимом», из комедий его имеют большое достоинство «Хвастун» и «Чудаки», из водевилей «Сбитеньщик»; прочие же театральные произведения суть рабские слепки с французских пьес. В Княжнине видно чувство. Язык его не совсем верен, но легок. (Род. 1742, ум. 1791 г.). Наконец, к славе народа и века, явился Державин, поэт вдохновенный, неподражаемый, и отважно ринулся на высоты, ни прежде, ни после него не достигаемые. Лирик-философ, он нашел искусство с улыбкою говорить царям истину<sup>4</sup>, открыл тайну возвышать души, пленять сердца и увлекать их то порывами чувств, то смелостью выражений, то великолепием описаний. Его слог неуловим, как молния, роскошен, как природа. Но часто восторг его упреждал в полете правила языка, и с красотою вырывались ошибки. На закате жизни Державин написал несколько пьес слабых, но и в тех мелькают искры гения, и современники и потомки с изумлением взирают на огромный талант русского Пиндара, певца Водопада, Фелицы и бога. Так драгоценный алмаз долго еще горит во тьме, будучи напоен лучом солнечным; так курится под снежною корою трехклиматный Везувий после извержения, и путник в густом дыме его видит предтечу новой бури! (Род. 1743, ум. 1816 г.). Рядом с ним, в роде легкой поэзии, возник Дмитриев и обратил на себя внимание всех. Игривым слогом, остротою ума и чистотою отделки он снискал себе имя образцового поэта и заохотил русских к отечественному стихотворству. Милая, разборчивая муза его, изъясняясь языком лучших обществ, нашла друзей даже в кругу светских женщин и своим влиянием на все сословия принесла важную пользу словесности. Летучий рассказ его повестей пленителен, утонченность насмешки в сатирах примерна; равно как поэт и баснописец Дмитриев украсился венком Лафонтена и первый у нас создал легкий разговор басенный. Оригина-

нальный переводчик с французского, он передал нашему плавному языку всю заманчивость, всю игру, все виды первого. (Род. 1760 г.). Между тем как Державин изумлял своими одами, как Дмитриев привлекал живым чувством в песнях, картинностью в оригинальных произведениях — блеснул Карамзин на горизонте прозы, подобно радуге после потопа. Он преобразовал книжный язык русский, звучный, богатый, сильный в сущности, но уже отягчалый в руках бесталантных писателей и невежд-переводчиков. Он двинул счастливою новизною ржавые колеса его механизма, отбросил чуждую пестроту в словах, в словосочинении и дал ему народное лицо. Время рассудит Карамзина как историка; но долг правды и благодарности современников венчает сего красноречивого писателя, который своим прелестным, цветущим слогом сделал решительный переворот в русском языке на лучшее. Легкие стихотворения Карамзина ознаменованы чувством: они извлекают невольный вздох из сердца девственного и слезу из тех, которые все испытали. (Род. 1765 г.). В шутовском роде (burlesque) известны у нас Майков и Осипов. Первый (род. 1725, ум. 1778 г.) оскорбил образованный вкус своею поэмою «Елисей». Второй, в «Энеиде» наизнанку, довольно забавен и оригинален. Ее же на малороссийское наречие с большою удачею переложил Котляревский. Нелединский-Мелецкий познакомил нежными своими песнями прекрасных наших соотечественниц с родным языком, который так нежно ласкает слух и так сладостно проникает сердце. (Род. 1751 г.). Ему удачно последовал граф Салтыков. Бобров изобилует сильными мыслями и резкими изображениями. В «Херсониде» встречаются оригинальные красоты, но слог его нередко напыщен и падение стоп тяжело. (Ум. 1810 г.). Князь Долгорукий отличен свободным рассказом и непринужденною веселостию. Несмотря на частые стихотворные вольности, его «Авось», «Камин», «К соседу» и «Завешание» всегда будут читаемы за русское их выражение. (Род. 1764 г.). Граф Хвостов, трудолюбивый стихотворец наш, писал в различных родах, и нем нередко встречаются новые мысли. Одами своими заслужил он недвусмысленную славу, и публика уже оценила все пиитические его произведения. (Род. 1757 г.). Муравьев (род. 1757, ум. 1807 г.) писал мужественною, чистою, Подшивалов (род. 1765, ум. 1813 г.) безыскусственною прозою. Слог обоих имеет тем большее достоинство, что они, писав в одно время с Карамзиным, соучаство-

вали в преобразовании слога. Макаров острыми критиками своими оказал значительную услугу словесности. (Род. 1765, ум. 1804 г.). Востоков первый показал опыт над гибкостью русского языка для всех стихотворных размеров. Унылая поэзия его дышит философиею и глубоким чувством. (Род. 1781 г.). Марин славен острыми сатирами и забавными пародиями. (Ум. 1813 г.). Князь Горчаков превзошел его колкостью, правдою и народностью своих сатир; к сожалению, их не много. (Род. 1762 г.). Пнин с дарованием соединял высокие чувства поэта. Слог его особенно чист. (Род. 1773, ум. 1805 г.). М. Кайсаров сделал себе имя переводом Стерна, Мартынов (род. 1771 г.) переводил Дюпати, Руссо и некоторых греческих классиков — труд немаловажный с нашим упрямым языком для прозы общежительной. Князь Шаликов писал нежною прозою. Он обилен мелкими стихотворными сочинениями. Его муза игрива, но нарумянена. Панкратий Сумароков отличен развязною шутивостью в стихах своих, не всегда гладких, но всегда замысловатых. «Слепой Эрот» доказывает, что сибирские морозы не охладили забавного его воображения. Баснописец Александр Измайлов рисует природу, как Теньер. Рассказ его плавлен, естествен; подробности оного заставляют смеяться самому действию. Он избрал для предмета сказок низший класс общества и со временем будет иметь в своем роде большую цену, как верный историк сего класса народа. (Род. 1779 г.). Беницкий написал только три сказки, зато образцовою прозою. Из них «На другой день, или Завтра», — будет на всех языках оригинальною, ибо кипит мыслями. Смерть рано похитила его у русской словесности! (Род. 1780, ум. 1809 г.). Шишков — писатель прозаический. Начатки его ознаменованы легкостью слога. Безделки, написанные им для детей, могут служить образцами в сем роде. Впоследствии, когда слезливые полурусские иеремиады наводнили нашу словесность, он сильно и справедливо восстал противу сей новизны в полемической книге «О старом и новом слоге». Теперь он тщательно занимается родословною русских наречий и речений и доводами о превосходстве языка славянского над нынешним русским. (Род. 1754 г.). Стихи Шатрова полны резких мыслей и чувств, но слог псалмов его устарел. Князь Шихматов имеет созерцательный дух и плавность в элегических стихотворениях. Впрочем, его поэзия сумрачна. Судовщиков с большою легкостью и правдою обрисовал свою комедию в стихах «Неслыханное

диво, или Честный секретарь». Ефимьев довольно удачно изобразил в стихотворной же комедии преступника от игры. (Ум. 1804 г.). Аблесимов известен своим старинным национальным водевилем «Мельник». (Ум. 1784 г.). Крюковской написал трагедию «Пожарской», в которой более патриотизма, нежели истины. В ней, однако же, есть возвышенные места в отношении к чувствам и характерам. (Род. 1781, ум. 1811 г.). Наконец, на поприще трагическом, Озеров далеко оставил за собою своих предшественников. Им обладали чувства глубокие и воображение пламенное — творцы великих людей или могущих поэтов. Из пяти трагедий, им написанных, «Эдип» берет безусловное первенство над прочими истинною выразительностью характеров и благородством разговора. «Фингал» одушевлен оссиановскою поэзиею; «Донской» изобилует счастливыми стихами, игрою страстей, народностью и картинами; но характер героя пьесы унижен. Прозаизмы редки в Озерове, и александрийские его стихи звучны и важны. (Род. 1770, ум. 1816 г.).

---

Теперь приступаю к характеристике особ, прославившихся или появившихся в течение последнего пятидесятилетия. В ней найдут мои читатели и поэтов, составляющих созвездие Северной Лиры, и писателей, кои, сверкнув, исчезали подобно кометам, даже и тех, которых имена мелькают воздушными огнями в эфемерных журналах. Тесные рамы сего обзора не позволяют мне упомянуть о писателях, занимающихся предметами учеными и потому не прямо действующих на словесность.

И. Крылов возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравов учению. В каждом его стихе виден русский здравый ум. Он похож природою описаний на Лафонтена, но имеет свой особый характер: его каждая басня — сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия. Читая стихи его, не замечаешь даже, что они стопованы, — и это-то есть верх искусства. Жаль, что Крылов подарил театр только тремя комедиями<sup>5</sup>. По своему знанию языка и нравов русских, по неистощимой своей веселости и остроумию он мог бы дать ей черты народные. (Род. 1768 г.). С Жуковского и Батюшкова начинается

новая школа нашей поэзии. Оба они постигли тайну величественного, гармонического языка русского; оба покинули старинное право ломать смысл, рубить слова для меры и низать полубогатые рифмы. Кто не увлекался мечтательною поэзиею Жуковского, чарующего столь сладостными звуками? Есть время в жизни, в которое избыток неизъяснимых чувств волнует грудь нашу; душа жаждет излиться и не находит вещественных знаков для выражения: в стихах Жуковского, будто сквозь сон, мы как знакомцев встречаем олицетворенными свои призраки, воскресшим былое. Намагниченное железо клонится к неизвестному полюсу,— его воображение — к таинственному идеалу чего-то прекрасного, но неосязаемого, и сия отвлеченность проливает на все его произведения особенную привлекательность. Душа читателя потрясается чувством унылым, но невыразимо приятным. Так долетают до сердца неясные звуки эоловой арфы, колеблемой вздохами ветра. Многие переводы Жуковского лучше своих подлинников, ибо в них благозвучие и гибкость языка украшают верность выражения. Никто лучше его не мог облечь в одежду светлого, чистого языка разноплеменных писателей; он передает все черты их со всею свежестию красок портрета, не только с бесцветной точностью силуэтною. Он изобилен, разнообразен, неподражаем в описаниях. У него природа видна не в картине, а в зеркале. Можно заметить только, что он дал многим из своих творений германский колорит, сходящий иногда в мистику, и вообще наклонность к чудесному; но что значат сии бездельные недостатки во вдохновенном певце 1812 года, который дышит огнем боев, в певце Луны, Людмилы и прелестной, как радость, Светланы? Переводная проза Жуковского примерна. Оригинальная повесть его «Марьяна роща» стоит наряду с «Марфюю Посадницею» Карамзина. (Род. 1783 г.). Поэзия Батюшкова подобна резвому водомету, который то ниспадает мерно, то плещется с ветерком. Как в брызгах оного переломляются лучи солнца, так сверкают в ней мысли новые, разнообразные. Соперник Анакреона и Парни, он славит наслаждения жизни. Томная нега и страстное упоение любви попеременно одушевляют его и, как электричество, сообщаются душе читателя. Неодолимое волшебство гармонии, игривость слога и выбор счастливых выражений довершают его победу. Сами грации натирали краски, эстетический вкус водил пером его; одним словом, Батюшков остался бы образцовым поэтом без укора, если б даже

написал одного «Умиряющего Тасса». (Род. 1787 г.). Александр Пушкин вместе с двумя предыдущими составляет наш поэтический триумvirат. Еще в младенчестве он изумил мужеством своего слога, и в первой юности дался ему клад русского языка, открылись чары поэзии. Новый Прометей, он похитил небесный огонь и, обладая оным, совершенно играет сердцами. Каждая пьеса его ознаменована оригинальностью; после чтения каждой остается что-нибудь в памяти или в чувстве. Мысли Пушкина остры, смелы, огнисты; язык светел и правилен. Не говорю уже о благозвучии стихов — это музыка; не упоминаю о плавности их — по русскому выражению, они катятся по бархату жемчугом! Две поэмы сего юного поэта, «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник», исполнены чудесных, девственных красот: особенно последняя, писанная в виду седовласого Кавказа и на могиле Овидиевой, блистает роскошью воображения и всею жизнью местных красот природы. Неровность некоторых характеров и погрешности в плане суть его недостатки — общие всем пылким поэтам, увлекаемым порывами воображения. (Род. 1799 г.). Остроумный князь Вяземский щедро сыплет сравнения и насмешки. Почти каждый стих его может служить пословицею, ибо каждый заключает в себе мысль. Он творит новые, облагораживает народные слова и любит блистать неожиданностью выражений. Имея взгляд беглый и соображательный, он верно ценит произведения разума, научает шутками и одевает свои суждения приманивою светскостию и блесками ума просвещенного. Многие из мелких его сочинений сверкают чувством, все скреплены печатью таланта, несмотря на неровное инде падение звуков и длину периодов в прозе. Его упрекают в расточительности острот, не оставляющих даже теней в картине, но это происходит не от желания блистать умом, но от избытка оного. (Род. 1792 г.). В Гнедиче виден дух творческий и душа воспламеняемая, доступная всему высокому. Напитанный древними классиками, он сообщил слогу своему ненапыщенную важность. Поэма его «Рождение Гомера» цветет красотою неба Эллады. В его элегиях отзывается чувство необыкновенно глубокое, и самый язык в оных отработан с большею тщательностию. Ему обязаны мы счастливым появлением народной идиллии. Он усыновляет греческий гекзаметр русскому вселичному языку, и Гомер является у нас в собственной одежде, а не в путах тесного утомительного александрийского размера. (Род. 1784 г.).

В сочинениях Ф. Глинки отсвечивается ясная его душа. Стихи сего поэта благоухают нравственностью; что-то невещественно-прекрасное чудится сквозь полупрозрачный покров его поэзии и, сливаясь с собственною нашею мечтою, невольно к себе привлекает. Он владеет языком чувств, как Вяземский языком мыслей. Проза его проста, благозвучна и округленна, хотя несколько плодovitа. «Письма русского офицера» написаны пером патриота-воина. Стихотворения Глинки видимо усовершенствуются в отношении к механизму и обдуманности. В заключение скажем, что он принадлежит к числу писателей, которых биография служила бы лучшим предисловием и комментарием для их творений. (Род. 1787 г.). Амазонская муза Давыдова говорит откровенным наречием воинов, любит беседы вокруг пламени бивуака и с улыбкою рыщет по полю смерти. Слог партизана-поэта быстр, картинен, внезапен. Пламень любви рыцарской и прямодушная веселость попеременно оживляют оный. Иногда он бывает нерадив к отделке; но время ли наезднику заниматься убором? — В нежном роде — «Договор с невестою» и несколько элегий; в гусарском — залетные послания и зачашные песни его останутся навсегда образцами. (Род. 1784 г.). Баратынский по гармонии стихов и меткому употреблению языка может стать наряду с Пушкиным. Он нравится новостью оборотов; его мысли не величественны, но очень милы. «Пир» Баратынского игривы и забавны. Во многих безделках виден развивающийся дар; некоторые из них похищены, кажется, из альбома Граций. Милонов, поэт сильный в сатирах и чувствительный в элегиях. В его стихах слышится голос тоски неизлечимой. Слог Милонова неуклончив, сжат и решителен; но стихосложение иногда отрывисто. (Род. 1792, ум. 1821 г.). Воейков прелестен в своих сатирических посланиях, нередко живописен в «Садах» Делиля, силен в некоторых эпизодах поэмы «Искусства и науки». Впрочем, он поэт, вдохновенный умом, а не воображением. Язык его не довольно высок для предмета, и течение стихов временем бывает затруднено длинными речениями. (Род. 1783 г.). Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целию возбуждать доблести сограждан подвигами предков. Долг скромности заставляет меня умолчать о достоинстве его произведений. (Род. 1795 г.). Притчи Остолопова оригинальны резкостью и правдою нравоучений; сатиры его едки и портретны. Он оказал

большую услугу словесности изданием словаря поэзии<sup>6</sup>. (Род. 1782 г.). Родзянка, беспечный певец красоты и забавы: он пишет не много, но легко и приятно. Мерзляков подарил публику занимательными разборами и характеристикой наших лучших писателей<sup>7</sup>. В оных, без сухости, без педантизма, показав твердое знание языка, умел он оттенить каждого с верностью и разновидностью. Песни Мерзлякова дышат чувством: переводы «Науки о стихотворстве», Virgiliевых «Эклог» и еще некоторые — примерны. Но должно признаться, что его стихосложение небрежно и утонченный вкус не всегда водил пером автора. (Род. 1778 г.). В. Пушкин отличен вежливым, тонким вкусом, рассказом природным и плавностью, которые украшают мелкие его произведения. (Род. 1770 г.). Плетнев удачно пошел по следам Мерзлякова в характеристике поэтов<sup>8</sup>. В мечтательной поэзии он подражатель Жуковского. Знание родного языка и особенная гладкость стихов составляют отличительные его достоинства; неопределенность цели и бледность колорита — недостатки. Его стихотворения можно уподобить гармонике. В частности, у Плетнева встречаются пьесы — игрушки стихотворства, украшенные всеми цветами фантазии. В романтическом роде лучшее его произведение — элегия «Миних». Дельвинг — одарен талантом вымысла; но, пристрастясь к германскому эмпиризму и древним формам, нередко вдаётся в отвлеченность. В безделках его видна ненарушенная природа. Идиллии Панаева довольно естественны, очень милостивы; но они прививной плод в России. Рассказ его нежен, плавлен, но язык не всегда правилен. (Род. 1792 г.). Александр Крылов имеет редкое достоинство переливать иноземные красоты в русские, не изменяя мыслям подлинника. Муза его подражательная, но стихи очаровывают своею звучностью. Полуразвернувшиеся розы стихотворений Михаила Дмитриева обещают в нем образованного поэта, с душою огненною. Переводы Раича Virgiliевых «Георгик» достойны венка хвалы за близость к оригиналу и за верный, звонкий язык. Олин удачно перевел некоторые горацянские оды. В его элегиях есть истина и новые мысли. Филимонов вложил много ума и чувствительности в свои произведения: он успешно переводил Горация. Мещиков в безделках своих разбросал цветки светской философии с стихотворною легкостью. Козлов, поэт-слепец, пишет мило и трогательно. Иванчин-Писарев обилен картинами и словами. Сверх означенных здесь можно с похва-

лою упомянуть об Александре Писареве, Маздорфе, Норове и Нечаеве. В стихотворениях Анны Буниной и Анны Волковой — двух женщин-поэтов — рассеяно много чувствительности и меланхолии, но механизм оных недовольно легок. Однако же «Падение фаэтона» первой из них разнообразно красотою вымысла. Еще некоторые из соотечественниц наших бросали иногда блестики поэзии в разных журналах, и хотя пол авторов можно было угадать без подписи их имен, но мы должны быть признательны за подобное снисхождение, мы должны радоваться, что наши красавицы занимаются языком русским, который в их устах получает новую жизнь, новую прелесть. Они одни умеют избрать средину между школьным и слишком обыкновенным тоном, смягчить и одушевить каждое выражение. Тогда появится у нас слог разговорный, слог благородной комедии, чего до сих пор не было на сцене, ибо он не слышен в гостиных. Для трагедии ни один из живых европейских языков не может быть склоннее русского: отсутствие членов и умолчание глаголов вспомогательных творят его плавным, разнообразным и вместе сжатым. Высота речений славянских, важность и богатство звуков придают ему все мужество, необходимое для выражения страстей нежных или суровых. Со всем тем у нас не существует народной трагедии и, кроме Озерова, не было трагиков; но и тот, покорствуя временности, заковал своего гения в академические формы и в рифмованные стихи. Князь Шаховской заслуживает благодарность публики, ибо один поддерживает клонящуюся к разрушению сцену, то переводными, то передельными драмами и водевилями. Он сочинил трагедию «Дебору», переложил «Абуфара», но настоящее дело его есть комедия. В ней видны легкость и острота, но мало оригинального. Поспешность, с которою пишет он для сцены, опереживает отделку стихов и правила языка. Из фарсов лучшие суть «Два соседа» и «Полубарские затей», ибо в них схвачены черты народные; из комедий благородных «Своя семья» и «Какаду». Разговорный язык его развязен, текущ, но недовольно высок для хорошего общества, и нередко поблеклая мишура заемных острот портит слог его. Кокошкин прелестно и верно перевел «Мизантропа»; Грибоедов весьма удачно переделал с французского комедию «Молодые супруги» (*Le secret du ménage*); стихи его живы; хороший их тон ручается за вкус его, и вообще в нем видно большое дарование для театра. Лобанов передал Расинову «Ифигению» с неотступною

верностию и чувством оригинала. Он скоро подарит публику «Федроу». Любители театра желают для обогащения своего иноземными классическими произведениями, чтобы у нас было более подобных ему переводчиков. Тщательная его отделка — заметим мимоходом — иногда замедляет порывы страстей пылких. Висковатов написал трагедию

«Ксения и Темир», которой ход довольно правдоподобен, ибо основан на вымысле. Страсти высказаны стихами звучными, но они многоречивы, и действие связно. «Гамлет» явился на русской сцене его старанием. В комедиях Загоскина разговор естествен, некоторые лица и многие мысли оригинальны, но планы их не новы. Хмельницкому обязаны мы самыми беглыми стихами в роде комическом. Как нельзя лучше перевел он «Говоруна» Буасси; переделал «Воздушные замки» Колен д'Арлевиля и передал нам несколько водевилей. В нем мало своего; зато в подражании нет надутости. Жандр, с товарищами, перевел с французского несколько трагедий и одну комедию, от чего многоручные переводы сии получили пестроту в слог; трагические стихи его гладки, нередко сильны и часто заржавлены старинными выражениями. Катенин, переводчик «Сида», «Эсфири», Грессетовой комедии «Le méchant» \* и двух четвертых действий в трагедиях «Гораций» и «Медя»; сочинитель баллад, критик и антикритик и лирических стихов. Борис Федоров писал много для сцены, но мало по вкусу публики. Однако ж в отрывках его «Юлия Цезаря» виден дар к трагедии. Имена прочих авторов и переводчиков пьес случайных известны только по бенефисным афишам и, вероятно, не переживут их в потомстве!

Оставив за собою бесплодное поле русского театра, бросим взор на степь русской прозы. Назвав Жуковского и Батюшкова, которые писали столь же мало, сколь престительно, невольно останавливаешься, дивясь безлюдью сей стороны, — что доказывает младенчество просвещения. Гремущка занимает детей прежде циркуля: стихи, как лесть слуху, сносны даже самые посредственные; но слог прозы требует не только знания грамматики языка, но и грамматики разума, разнообразия в падении, в округлении периодов, и не терпит повторений. От сего-то у нас такое множество стихотворцев (не говорю, поэтов) и почти вовсе нет прозаиков, и как первых можно укорить бледностью мыслей, так последних погрешностями противу

---

\* «Зловязный». — Ред. <sup>9</sup>

языка. К сему присоединилась еще односторонность, происшедшая от употребления одного французского и переводов с сего языка. Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытным американцам, меняем золото одного на блестящие заморские безделки. Обратимся к прозаикам. Резким пером Каченовского владеет язык чистый и важный. Редко кто знает правила одного основательнее сего писателя. Исторические и критические статьи его дельны, умны и замысловаты. Слог переводов Вл. Измайлова цветист и правилен, подобно переводному слогу Каченовского. Оба они утвердили своими игривыми переводами знакомство публики нашей с иноземными писателями. Броневский, автор записок морского офицера, изобразил, будто в панораме, берега Средиземного моря. Он привлекает внимание разнообразием предметов, слогом цветущим, быстротою рассказа о водных и земных сражениях и пылкостью, с которой передает нам геройские подвиги неприятелей, друзей и сынов России. Он счастливо избег недостатка многого множества путешественников, утомляющих подробностями. Он занимателен всем и нигде не скучен: жаль только, что язык его неправилен. Греч соединяет в себе остроту и тонкость разума с отличным знанием языка. На пламени его критической лампы не один литературный трутень опалил свои крылья. Русское слово обязано ему новыми грамматическими началами, которые скрывались доселе в хаосе прежних грамматик, и он первый проложил дорогу будущим историкам отечественной словесности, издав опыт истории оной. Греч не много писал собственно для литературы, но в письмах его «Путешествия по Франции и Германии» заметны наблюдательный взор и едкость сатирическая, но в рассказе пробивается нетерпенье. Булгарин, литератор польский, пишет на языке нашем с особенною занимательностию. Он глядит на предметы с совершенно новой стороны, излагает мысли свои с какою-то военною искренностию и правдою, без пестроты, без игры слов. Обладая вкусом разборчивым и оригинальным, который не увлекается даже пылкою молодостью чувств, поражая незаимствованными формами слога, он, конечно, станет в ряд светских наших писателей. Его «Записки об Испании» и другие журнальные статьи будут всегда с удовольствием читаться не только русскими, но и всеми европейцами. Головин описал свое пребывание в плену японском так искренно, так естественно, что ему нельзя не верить. Прямой, неровный слог его — отли-

чительная черта мореходцев — имеет большое достоинство и в своем кругу занимает первое место после слога П. Гамалеи, который самые сухие науки оживляет своим красноречием. Свиньин, сочинитель живописного «Путешествия по Америке» и многих журнальных статей, пишет обо всем русском, достойном внимания патриотов. Его слог небрежен, но выразителен. В «Письмах схимника», сочинении Ф. Львова, нередко вспыхивают сердечные чувства с искрами поэзии; там много речений, но мало новостности в слоге. В статьях Н. Кутузова видны цель и дух благородной души; но слог несколько пышен для избранных им предметов. Критики Сомова колки и не всегда справедливы. П. Яковлев обещает многое в роде Жуи; слог его оригинален, отрывист; приносивления остры и забавны. Кюхельбекер одарен летучим воображением и мечтательностью. В «Европейских письмах» его встречаются картины удачные и новые. Нарезный в «Славянских вечерах» своих разбросал дикie цветы северной поэзии. Впрочем, проза его слишком мерна и однозвучна. Он написал два романа, где много портретов и новых мыслей. Дм. Княжевич пишет мило, умно и правильно—три вещи, довольно редкие на Руси: его отечественные синонимы очень занимательны. Меньшенина перевод «Писем о химии» заслуживает внимания равно в прозаическом, как и в стихотворном отношении; он светел, игрив, верен оригиналу и правилам нашего слова.

Сим заключаю ряд прозаиков; ибо другие безыменные или ожидающие имен писатели, по малости или по бесхарактерности их творений, не произвели никакого влияния на словесность.

В сей картине, мною начертанной, читатели увидят, в каком бедном отношении находится число оригинальных писателей к числу пишущих, а число дельных произведений к количеству оных. Рассмотрим тому причины.

Во-первых: необъятность империи, препятствуя сосредоточению мнений, замедляет образование вкуса публики. Университеты, гимназии, лицеи, институты и училища, умноженные благотворным монархом и поддерживаемые щедротами короны, разливают свет наук, но составляют самую малую часть в отношении к многолюдству России. Недостаток хороших учителей, дороговизна выписных и редкое того отечественных книг и малое число журналов, с их призм литературы, не позволяют проникать просвеще-

нию в уезды, а в столицах содержат, детей не каждый в состоянии. Феодальная умонаклонность многих дворян усугубляет сии препоны. Одни рубят гордиев узел наук мечом презрения, другие не хотят ученьем мучить детей своих и для сего оставляют невозделанными их умы, как нередко поля из пристрастия к псовой охоте. В столицах рассеяние и страсть к мелочам занимают юношей; никто не посвящает себя безвыгодному и бессребренному ремеслу писателя, и если пишут, то пишут не по занятию, а шутя; и к чести военного звания — должно сказать, что молодые офицеры наиболее, в сравнении с другими, основательно учатся. Впрочем, у нас нет европейского класса ученых (*lettrés, savants*); ибо одно счастье дает законы обществу, а наши богачи не слишком учены, а ученые вовсе не богаты. В отношении к писателям я замечу, что многие из них сотворили себе школы, коих упрямство препятствует усовершенствованию слова; другие не дорожат общим мнением и на похвалах своих приятелей засыпают беспробудным сном золотой посредственности.

Человек есть существо более тщеславное, чем славлюбивое. Поэт, романтик, ученый работает в тиши кабинета, чтобы собрать дань похвалы в людях; но когда он видит труды свои гибнущими в книжной лавке и безмолвие, встречающее его в обществе, где даже никто не подозревает в нем таланта; когда, вместо наград, он слышит одни насмешки, — променяет ли он маки настоящего на неверный лавр отдаленного будущего?

Наконец, главнейшая причина есть изгнание родного языка из обществ и равнодушные прекрасного пола ко всему, на оном писанному! Чего нельзя совершить, дабы заслужить благосклонный взор красавицы? В какое прозаическое сердце не вдохнет он поэзии? Одна улыбка женщины милой и просвещенной награждает все труды и жертвы! У нас почти не существует сего очарования, и вам, прелестные мои соотечественницы, жалуются музы на вас самих!

Но утешимся! Вкус публики, как подземный ключ, стремится к вышине. Новое поколение людей начинает чувствовать прелесть языка родного и в себе силу образовать его. Время невидимо сеет просвещение, и туман, лежащий теперь на поле русской словесности, хотя мешает побегу, но дает большую твердость колосьям и обещает богатую жатву.